

«СПОР ГОЛЬДХАГЕНА» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НЕМЕЦКОЙ «ПРОРАБОТКИ ПРОШЛОГО»

В статье анализируются дебаты о книге Д. Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера» как одна из ключевых дискуссий о немецком историческом и национальном самосознании в 1990-е гг. Автор рассматривает концепцию «элиминаторного антисемитизма» Гольдхагена, рецепцию книги в СМИ, в сообществе профессиональных историков и оценивает влияние книги и дискуссии о ней на немецкую культуру памяти о нацизме. Если большинство историков отнеслось к книге амбивалентно или критически, то основная масса читателей восприняла ее позитивно. Автор объясняет данный феномен тем, что Гольдхаген дал возможность для четкого размежевания между тоталитарным прошлым и демократическим настоящим Германии.

Ключевые слова: ФРГ, нацизм, культура памяти, проработка прошлого, национальная идентичность, Гольдхаген.

Несмотря на то, что нацистская эпоха, при всей своей специфике, как кажется, в течение последних десятилетий действительно подверглась «историзации», то есть переместилась из пространства общественных и политических дискуссий в сферу чисто академических исследований, значение нацизма для политики, общественного дискурса и культуры памяти Германии вплоть до сегодняшнего дня нельзя подвергнуть сомнению. Дискуссии о нацистском прошлом стали неотъемлемой частью культурной и интеллектуальной жизни ФРГ начиная с 1980-х гг., в первую очередь благодаря импульсам «спора историков» между «ревизионистско-апологетическим» лагерем Эрнста Нольте и «критической» группой немецких интеллектуалов во главе с Юргеном Хабермасом. В 1990-е годы немецкая «проработка прошлого» продолжилась с возросшей интенсивностью, чему в немалой степени способствовало объединение Германии и связанная с ним рефлексия национальной и исторической идентичности немцев.

В 1996 г., параллельно с жесткими дебатами о резонансной выставке «Преступления Вермахта», в Германии разгорелась другая, не менее масштабная дискуссия о нацистском прошлом страны и проблеме отношения к нему современных немцев. Триггером нового спора стало появление книги американского историка, профессора Гарвардского университета Дэниела Гольдхагена «Добровольные исполнители Гитлера». На основе анализа высказываний немецких журналистов, историков и других интеллектуалов в данной статье сделана попытка выяснить, как книга Гольдхагена повлияла на рефлексию немцами нацистского прошлого, и какой вклад она внесла в немецкую культуру памяти. Отдельно следует подчеркнуть, что автор не задавался целью критически проанализировать методологические и теоретические ошибки и заблуждения Гольд-

хагена¹. Главный интерес представляет содержательная реконструкция и анализ спровоцированной Гольдхагеном дискуссии и оценка ее последствий для немецкой «проработки прошлого», историко-политического сознания ФРГ и культуры памяти о нацизме. Чтобы вскрыть значение «Спора Гольдхагена» в названных аспектах, автор сконцентрируется на разборе преобладавших дискурсивных позиций его участников и основных линий их аргументации. Отдельный аспект представляет реакция на книгу широких слоев немецкого общества, не принимавших активного участия в дебатах, но являвшихся, несомненно, не менее важным реципиентом книги Гольдхагена, чем академическое сообщество и профессиональные историки. Однако прежде чем перейти к решению данных задач, следует охарактеризовать главные тезисы книги Гольдхагена.

В своем исследовании американский политолог поставил цель дать ответ на фундаментальные вопросы истории Второй мировой войны и нацистской диктатуры: как стал возможен Холокост, и что явилось причиной бесчеловечных преступлений немцев в отношении евреев. Исходный тезис Гольдхагена заключался в том, что Холокост был не только делом рук преступной клики нацистских вождей, но требовал для своего осуществления наличия широкой сети пособников и исполнителей. Отталкиваясь от этого в целом очевидного положения, Гольдхаген ставил вопрос о мотивах, заставивших людей пойти на совершение преступлений. Конвенциональные историографические объяснения Холокоста – такие, как подчинение приказам, авторитету начальства, групповая порука – Гольдхаген расценивал как неудовлетворительные². Главной предпосылкой и мотивом Холокоста, по Гольдхагену, стала готовность большинства обычных немцев в 1930-е гг. «терпимо относиться, поддерживать и участвовать в преследованиях евреев», что являлось ничем иным как проявлением «элиминаторного антисемитизма» (eliminationist anti-Semitism)³. Гольдхаген утверждал, что немецкий антисемитизм уходит вглубь истории, а возможность истребления всего еврейского народа обсуждалась в Германии уже в XIX в.⁴ Однако концентрированные, координированные и планомерные действия против евреев в кайзеровской Германии были невозможны: «Еще отсутствовали возможности для трансформации антисемитизма в программу физического нападения, и государственный строй не позволял антисемитизму стать базисом коллективного, общественного действия»⁵. Лишь с приходом к власти нацистов были созданы условия для геноцида. Первые шаги антиеврейской программы – систематическое исключение евреев из немецкой обще-

¹ Анализ слабых сторон работы Гольдхагена см: Newman 2002; Schneider 1997.

² Goldhagen 1996. P. 13.

³ Ibid. P. 375.

⁴ Ibid. P. 419.

⁵ Ibid. P. 72.

ственной и экономической жизни – были поддержаны большей частью немецкого общества. Представители всех его слоев и групп: католики и протестанты, юристы, врачи и учителя принимали участие в сегрегации евреев. При этом лишение евреев гражданских прав, бесчинства, депортации в концлагеря в своей совокупности не вызвали значимого сопротивления со стороны немецких граждан. Более того: сегрегация и последующее уничтожение евреев нашли поддержку даже среди убежденных противников нацизма, поскольку они разделяли антисемитские убеждения. «Удивительный феномен, состоявший в том, что самое большое преступление нацистского режима ни разу не вызвало возмущение тех, кто в остальном всегда ему противостоял, можно понять, исходя из вездесущности антисемитизма в Германии. Если позитивные или, по меньшей мере, нейтральные мнения о евреях нельзя было услышать от таких моральных инстанций, как христианские церкви и заклятые враги Гитлера, то где их, в таком случае, было искать? Культурно-когнитивная модель, сформированная в отношении евреев, определяла и восприятие нацистов, и их противников»⁶, – заключал Гольдхаген. Немецкий народ полностью принял нацистский образ евреев, огромное количество обычных немцев стали «добровольными исполнителями» Гитлера. Нацистское движение завоевало политическую власть над обществом, которое было легко мобилизовать для уничтожения евреев⁷.

Свои подчас радикальные обобщающие тезисы Гольдхаген стремился подкрепить детальным описанием и анализом конкретных ситуаций. Главным объектом своего анализа историк сделал расстрельный полицейский батальон 101, причастный к убийству около 40 тысяч евреев во время войны. В других частях книги он анализировал поведенческую стратегию преступников в концлагерях и в ходе так называемых «маршей смерти» 1944–1945 гг. Основываясь на судебных актах послевоенных разбирательств против членов батальона 101, Гольдхаген показал, что эти люди совершали свои действия не под давлением начальства, а добровольно, и не с чувством стыда, а с «гордостью и убежденностью в правильности совершаемого»⁸. Гольдхаген также писал, что, в противоположность формуле Ханни Арендт о «банальности зла», Холокост не был для преступников «безэмоциональным процессом»⁹. Из изученных Гольдхагеном данных следовало, что члены батальона имели возможность не принимать участия в расстрелах. Перед первой карательной акцией им было предложено отказаться от этого, однако лишь 10–12 человек из 500 членов батальона воспользовались данной возможностью¹⁰. Для анализа

---

⁶ Ibid. P. 116.

⁷ Ibid. P. 23.

⁸ Ibid. P. 225.

⁹ Ibid. P. 481.

¹⁰ Ibid. P. 213.

Гольдхагена принципиально важен тот факт, что речь шла не об убежденных нацистах и членах партии – таковые, по его данным, составляли примерно треть членов батальона¹¹. Большинство членов батальона были среднестатистическими немецкими гражданами, добровольно поступившими на службу в полицию, так как не попали на фронт по возрастным ограничениям. Таким образом, речь шла о «совершенно обычных», «нормальных» немцах. Поведение членов батальона демонстрировало, насколько сильны были антисемитские убеждения, продолжительное время господствовавшие в Германии, и насколько тонка была грань, отделявшая негативное отношение к евреям от бесчеловечных преступлений. Без содействия тысяч немцев, принявших участие в геноциде, или так или иначе его поддерживавших, уничтожение евреев не было бы столь планомерным и систематическим, писал Гольдхаген. «Не экономические трудности, не система принуждения тоталитарного государства, не социально-психологическое давление [...], а представления о евреях, господствовавшие в Германии десятилетиями, заставили совершенно обычных немцев систематически и беспощадно убивать тысячи вооруженных, беззащитных еврейских мужчин, женщин и детей»¹².

Сразу же после своего появления книга Гольдхагена вызвала большой резонанс в немецких и мировых СМИ. Еще до появления немецкого перевода германские журналисты начали дискуссию о книге Гольдхагена и актуализированном им тезисе о «коллективной вине» немцев. По замечанию редактора газеты «Цайт» Фолькера Ульриха, «дебаты Гольдхагена» в определенном смысле стали продолжением «спора историков» 1986–1987 гг.¹³ Мнения о книге в немецком обществе поляризовались. В то время как профессиональные историки оценивали книгу сдержанно, подавляющее большинство рядовых читателей восприняли ее с энтузиазмом: 80 тысяч экземпляров первого немецкого издания книги, появившегося 7 августа 1996 года, было распродано за один месяц, и в начале октября 1996 года были дополнительно напечатаны еще 100 тысяч экземпляров. В общей сложности до начала 1999 года было продано 300 тысяч экземпляров книги, что было экстраординарным успехом для исторической монографии.

Как уже было сказано, первоначальная реакция немецких историков и журналистов была преимущественно амбивалентной и скептической. Немецкие критики упрекнули Гольдхагена в грубом упрощении: он «абсолютизирует» коллективную вину немцев и «демонизирует» немецкую нацию. Многие историки и публицисты усомнились в методологических принципах исследования Гольдхагена. Частым был упрек

---

¹¹ Ibid. P. 207.

¹² Ibid. P.9.

¹³ Ullrich 1996.

в намеренном желании привлечь к себе внимание СМИ. Историк Норберт Фрай отмечал, что книга Гольдхагена «не содержит каких-либо действительно новых научных результатов», и написана «в крайне детерминистском ключе»¹⁴. Вместе с тем Фрай вынужден был констатировать, что немецкая историография Холокоста действительно уделяла крайне мало внимания и игнорировала факт «чрезвычайно высокой степени идентификации немцев с Гитлером и нацистским режимом». Вслед за Фраем амбивалентно высказались о книге такие авторитетные историки, как Эберхард Йеккель, Ульрих Херберт, Ганс-Ульрих Велер.

12 апреля в газете «Цайт» вышла статья Фолькера Ульриха, в которой автор отметил, что «жесткая дискуссия, которую книга вызвала в США, показывает, что она задевает за живое, и, несмотря на критические замечания, она достойна дискуссии»¹⁵. Журналист добавил, что «после празднования пятидесятилетия окончания войны некоторые немцы поддались искушению наконец избавиться от этой темы и беззаботно предаться новой “нормальности”»¹⁶. От того, как «будет принята немцами тревожная, пугающая книга Гольдхагена, – продолжал Ульрих, – можно будет многое понять об историческом сознании этой [Федеративной] Республики».

13 апреля 1996 года в газете «Тагесцайтунг» журналистка Мариам Нируманд упрекнула Гольдхагена в предвзятости исторической интерпретации ввиду его еврейского происхождения¹⁷. Как и Фрай, Нируманд советовала воздержаться от общественной дискуссии о книге. Двумя днями позже о книге Гольдхагена высказал свое мнение редактор «Франкфуртер альгемайне цайтунг» Франк Ширрмахер. Журналист подверг Гольдхагена критике за то, что тот пытается возродить тезис о коллективной вине и представление об антисемитском менталитете немцев. Жесткие дебаты о книге в США и в Германии, по словам Ширрмахера, вызваны «не сложностью книги, а скорее радикальной простотой, с которой автор излагает свои тезисы». «В целом, тезис о коллективной вине немцев является ядром этой книги, примечательно лишь то, что Гольдхаген его исторически и социологически радикализирует», – писал автор «Франкфуртер альгемайне цайтунг»¹⁸.

Позитивную оценку работа получила от историка и политолога, профессора Потсдамского университета Юлиуса Шепса. Высказывая свое мнение 26 апреля 1996 года в газете «Цайт», Шепс, в отличие от критиков Гольдхагена, подчеркнул необходимость общественной дискуссии о книге. Ученый критически отнесся к возмущению многих

---

¹⁴ Frei 1996.

¹⁵ Ullrich 1996.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Niurumand 1996.

¹⁸ Schirrmacher 1996.

немецких интеллектуалов работой американского историка. Шепс писал, что и до Гольдхагена публиковались работы, изучающие влияние традиционного антисемитизма на Холокост – например, исследования Алекса Байна, Гельмута Бердинга, Вернера Йохмана, Вольфганга Бенца, Леона Полякова. По мнению Шепса, негативная реакция немецкой публики вызвана «непривычно радикальными, провокационными формулировками и вопросами Гольдхагена»¹⁹.

30 апреля 1996 года в газете «Франкфуртер рундшау» журналист Гертруда Кох одобрительно высказалась о книге Гольдхагена, согласившись с тезисом историка о значимости антисемитизма немцев для осуществления Холокоста. По словам Кох, в послевоенной Германии данная тема подверглась «сознательному замалчиванию». По мнению журналистки, «элиминаторный антисемитизм» немцев был «необходимым, но не достаточным условием» Холокоста, на чем настаивал Гольдхаген, и на протяжении всей эпохи нацизма немцы обладали возможностью индивидуального выбора²⁰.

В свою очередь, журналист Йост Нольте в статье в газете «Вельт» 16 апреля 1996 года попытался представить немцев в роли жертв «культу вины». Нольте сравнил своих соотечественников с мифическим Сизифом, и заявил, что Освенцим становится у Гольдхагена «первородным грехом немцев»: «Спустя более полувека после смерти Гитлера и после поворота 1989–1990 годов [...] казалось, что история освободила немцев от судьбы Сизифа. Гольдхаген приложил все усилия, чтобы вновь подвергнуть их проклятию»²¹, – сетовал Нольте.

8 мая 1996 года Дэниел Гольдхаген отреагировал на дебаты в Германии открытым письмом к немецким книготорговцам, в котором попытался устранить недоразумения по поводу своей книги. Автор заявил, что не отстаивает идею о неизменном антисемитском менталитете немцев, тезис о немецкой коллективной вине, о неизбежности Холокоста в Третьем рейхе, и об антисемитизме как о единственной его причине²². Стоит сказать, что в предисловии к немецкому изданию своей работы Гольдхаген также указывал, что категорически отвергает тезис о коллективной вине немцев, и лишь утверждает, что «число совершивших преступные деяния немцев было огромным»²³.

В своем обзоре книги Гольдхагена 25 мая 1996 года в газете «Цайт» историк Ганс-Ульрих Велер констатировал наличие «защитного консенсуса» в немецкой прессе по отношению к работе американского ученого, при том, что работа действительно содержит в себе «импульс новиз-

¹⁹ Schoeps 1996.

²⁰ Koch 1996.

²¹ Nolte 1996.

²² Kött 1999. S. 136.

²³ Goldhagen 1996(a). S. 11-12.

ны»²⁴. Книга Гольдхагена является «стимулом к новому осмыслению чрезвычайно острых и до сих пор нерешенных проблем прошлого», что, по мнению Велера, следует расценивать позитивно. Положительно Велер оценил и вклад Гольдхагена в изучение социальной психологии преступников на примере полицейских батальонов, концлагерей и «маршей смерти», а также в исследование «повседневного антисемитизма» в Третьем рейхе. «Не прав ли Гольдхаген, что подобная жесткость, ставшая массовым феноменом среди представителей когда-то цивилизованного народа, до сих пор нуждается в объяснении?», – риторически спрашивал Велер. Он критически отнесся к методологии Гольдхагена, усмотрев в ней «редукционизм» и стремление к «монокаузальному объяснению»²⁵.

Позитивно оценила книгу Гольдхагена историк Ингрид Гильхер-Хольтей 7 июня 1996 года в газете «Цайт». По ее словам, Гольдхаген пытается объяснить не политические процессы, приведшие к Холокосту, а менталитет непосредственных участников и исполнителей геноцида. В этом заключается новаторский подход исследования, и его тезисы заставляют обратиться к недостаточно изученным аспектам Холокоста – прежде всего, к ментальному аспекту. Гольдхаген, как и другие исследователи менталитета, пытается вычленил схемы коллективного мышления и восприятия из поведения индивидуумов и групп²⁶. В свою очередь, историк Ульрих Херберт усомнился в тезисе Гольдхагена о Холокосте как «национальном проекте» немцев, но отметил, что Гольдхаген правильно поставил вопрос о «масштабе распространения юдофобии среди немецкого населения и значении антисемитизма для старта и осуществления многомиллионного убийства»²⁷.

В июле–августе 1996 года дебаты о книге Гольдхагена в федеральной немецкой прессе продолжились в таких изданиях, как «Зюддойче цайтунг», «Франкфуртер рундшау», «Франкфуртер альгемайне цайтунг». В статье в «Зюддойче цайтунг» 20 июля 1996 года Ганс Моммзен отверг тезис Гольдхагена о специфическом немецком антисемитизме как единственном мотиве Холокоста и назвал подход Гольдхагена «намеренно провокационным»²⁸. Однако, в отличие от других критиков Гольдхагена, Моммзен был склонен видеть в дебатах определенный смысл, а именно возможность «дискуссии о моральной ответственности немцев, живших при нацистской диктатуре». Моммзен отмечал, что большей части немецкого населения не было непосредственно известно о масштабах уничтожения евреев, однако «информации и определенных показателей было достаточно, чтобы составить приблизительную картину о

---

²⁴ Wehler 1996.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Gilcher-Holtey 1996.

²⁷ Hebert 1996.

²⁸ Mommsen 1996.

них». Без широко распространенной индифферентности и нежелания попасть под общественное осуждение, утверждал Моммзен, масштабы преступлений были бы меньше: «Незнание об убийстве не освобождает от коллективной ответственности за допущение общественного беззакония, которое было предпосылкой к убийству»²⁹, – подчеркивал историк.

Свое мнение о книге Гольдхагена высказали также Ян Филипп Реемтсма и Ханнес Хеер, авторы резонансной передвижной выставки «Преступления Вермахта». 24 июля 1996 года в «Зюддойче цайтунг» Реемтсма писал, что, несмотря на свой провокационный характер, книга Гольдхагена «необходима, так как она способствует дискуссии о немецком антисемитизме и его влиянии на поведение населения во время нацистской диктатуры»³⁰. В свою очередь, Ханнес Хеер согласился с тезисом Гольдхагена о том, что между нацистским режимом и тогдашним немецким населением существовал консенсус. Ошибка Гольдхагена, по мнению Хеера, состоит в недостаточном внимании к другим факторам, влиявшим на сознание немцев, к примеру, к пропаганде, внушавшей идею о «судьбоносной борьбе немецкого народа», а также к «эмоциональному ожесточению из-за перманентного насилия, сопровождавшего войну»³¹.

Несмотря на амбивалентную оценку немецких историков и публицистов, книга Гольдхагена после появления на прилавках немецких магазинов в одночасье стала бестселлером³². После выхода немецкого издания Гольдхаген провел в Германии серию лекций, которые широко освещались СМИ, и на каждой из которых присутствовали 5-6 тысяч человек. О лекциях Гольдхагена в крупных городах Германии писал журналист Кристиан Землер 7 сентября 1996 года в «Тагесцайтунг». Землер сообщал, что широкая немецкая публика, в отличие от профессиональных историков, восприняла работу Гольдхагена положительно³³. В свою очередь, журналист Йозеф Йоффе 11 сентября 1996 года в «Зюддойче цайтунг» отмечал, что во время дискуссий Гольдхаген находил живой контакт со своими слушателями, критических реакций и выступлений на лекциях практически не наблюдалось³⁴.

Дебаты о книге Гольдхагена в немецких СМИ завершаются к концу октября 1996 года. Относительно характера и тона дебатов в целом следует сказать, что среди подавляющего большинства критиков имело место постепенное смещение от негативной оценки в сторону более дифференцированного и взвешенного анализа. Если в начале дебатов труд Гольдхагена многими рассматривался как провокационный и не лишен-

---

²⁹ Ibidem.

³⁰ Reemtsma 1996.

³¹ Heer 1996.

³² Kracht 2005. S. 157.

³³ Semler 1996.

³⁴ Joffe 1996.

ный серьезных ошибок, то для поздней рецепции характерно признание в книге «необходимого вызова»³⁵ и «ценной провокации»³⁶.

В 1997 г. историк, профессор института Фридриха Мейнеке в Берлине Вольфганг Випперман попытался дать итоговую оценку дебатам о работе Гольдхагена. Випперман писал, что, несмотря на методологические недостатки, книга достойна позитивной оценки: «“Спор Гольдхагена”, начавшийся ровно через десять лет после “спора историков” [...] показывает, что борьба за культурную гегемонию современности через проработку прошлого продолжается [...]. Гольдхаген написал важную книгу в правильное время»³⁷. По мнению Виппермана, книга «Добровольные исполнители Гитлера» достойна высокой оценки, во-первых, потому, что в ней удалось «опровергнуть тривиализирующие сравнения Третьего рейха с другими режимами, в частности, с “тоталитарной” ГДР». Во-вторых, в своем анализе Гольдхаген не использовал нарратив о «трагическом срединном положении Германии». В-третьих, Гольдхаген не оставил никаких сомнений в том, что Германия несет исключительную ответственность за развязывание глобального конфликта, который обернулся беспрецедентной «расовой войной на уничтожение». В-четвертых, Гольдхаген нанес удар по попыткам «новых правых» релятивизировать преступления Третьего рейха ссылками на его якобы «положительные стороны»³⁸.

Стоит сказать, что определенная «ненаучность» метода и стиля Гольдхагена некоторыми расценивались и до сих пор расценивается не как слабость, а, напротив, как преимущество его книги. К примеру, историк Герхард Шайт пишет, что «именно то, за что Гольдхагена почти единодушно и особенно остро критикуют, является его самой лучшей стороной: попытка монокаузального объяснения, спекулятивный стиль вопросов, который действительно находится на грани научности»³⁹.

Важно отметить, что колоссальный читательский интерес к книге в Германии (около 300 тысяч проданных экземпляров до 1999 года) способствовал актуализации интереса к нацистскому прошлому далеко за пределами сообщества профессиональных историков. Пытаясь объяснить позитивную рецепцию книги Гольдхагена со стороны широких слоев немецкого общества, исследователь немецкой культуры памяти Алейда Ассман отмечает, что данный эффект был обусловлен не в последнюю очередь тем, что немецкая аудитория Гольдхагена, состоящая в основном из поколения детей и внуков социализировавшихся при нацизме немцев, получила своеобразное «коллективное оправдание».

³⁵ Kött 1999. S. 110.

³⁶ Rusinek 1998. S. 130.

³⁷ Wippermann 1997. S. 116.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Scheit 2000. S. 140.

Элиминаторный антисемитизм действительно был глубоко укоренен в немецкой культуре, но после 1945 года он был радикально и окончательно преодолен. Немецкий народ бесповоротно дистанцировался от антисемитизма и обратился к идеям демократии. Таким образом, по оценке Ассман, книга Гольдхагена в определенном смысле обладала для немцев эффектом «катарсиса»⁴⁰.

В то же время, наряду с популяризаторским импульсом, книга представляла и научный интерес, она дала исследователям стимул для постановки новых вопросов в изучении ранее незатронутых аспектов Третьего рейха, в частности, немецкого и – шире – европейского антисемитизма и антисемитского менталитета⁴¹. Книга Гольдхагена, как и спор о выставке «Преступления Вермахта» 1995-1999 гг., заставляла посмотреть на преступления нацизма не отстраненно, а под личным углом зрения, переместить перспективу с безличных, анонимных структур нацистского государства на индивидуальную биографию и экзистенциальные решения «обычных», среднестатистических немецких граждан, ставших преступниками. Подчеркивая данный аспект, Йозеф Йоффе писал: «Книга должна стать обязательной для прочтения. К примеру, кому известно, что такие легендарные антинацистские теологи, как пастор Нимёллер или Карл Барт, произносили антисемитские проповеди? [...] После этой спорной не только в Германии книги будет не так легко дистанцироваться от беспрецедентных преступлений “во имя Германии” и сохранить грань между нацистами и “обычными немцами”»⁴². Крупный американский политолог Андрей Марковиц также отмечал научную значимость работы Гольдхагена: «Книга Гольдхагена нова в своем богатстве интерпретаций и материала, в прямоте своей речи. Прежде всего, она закрывает досадный пробел в немецкой историографии, которая знает довольно много о “преступниках письменного стола”, но пугающе мало – об исполнителях Холокоста»⁴³. Поставив акцент на социально-психологическом анализе исполнителей Холокоста, Гольдхаген выступил как оппонент доминировавшему в немецкой историографии того периода структуралистскому подходу в объяснении причин и реализации Холокоста, центрированному на изучении общественных структур, участвовавших в осуществлении геноцида, и в общем индифферентному к перспективе жертв Холокоста. Гольдхаген также выступил как критик интенционалистского подхода, сводящего всю подоплеку Холокоста к «приказу Фюрера» («Führerbefehl»). Работа Гольдхагена, по выражению Фолькера Ульриха, действительно изменила взгляд ис-

⁴⁰ Assmann 1999. 289.

⁴¹ См. Gerlach 1998; Steinbacher 2000; Aly 1996; Pohl 1996; Paul 2002; Kaiser 2002; Sandkühler 1999.

⁴² Joffe 1996(a)

⁴³ Markovits 1996. S. 667.

ториков на эпоху нацизма, так как вопрос об участии «обычных немцев» в Холокосте был поставлен в ней «так остро, как ни в одной другой книге»⁴⁴. Гольдхаген стал одним из первых исследователей молодого поколения, переместившим фокус с преступной элиты Третьего Рейха на анализ поведенческих стратегий и менталитета «обычных» исполнителей геноцида – солдат и полицейских, и доказал, что «массовые преступления нацизма были не только преступлением по отношению к массам, но и преступлениями масс»⁴⁵. Журналист Die Zeit Роберт Ляйхт отмечал, что книга Гольдхагена «в первую очередь не историческая, а моралистическая – не экспертное заключение, а приговор. Моральные приговоры могут быть односторонними, даже несправедливыми [...], однако, несмотря на это, точными, волнующими, пугающими... Даже за вычетом всех ошибок и недостатков остается сила эффекта... Ярость некоторых критиков – тоже один из вариантов этого эмоционального потрясения»⁴⁶. При этом нельзя не согласиться с рядом критиков Гольдхагена в том, что в своем исследовании он явно недооценивает динамику общественно-политических институтов, которые потенцировали «культурный» немецкий антисемитизм до «практического» «элиминаторного» антисемитизма. Принимая во внимание вышесказанное, следует согласиться с резюме Норберта Фрая: главное достоинство книги Гольдхагена заключалось, прежде всего, в том, что она способствовала «символическому признанию исторической ответственности немцев спустя 50 лет после конца нацистского режима»⁴⁷.

Обобщая, можно сказать, что книга Гольдхагена и дебаты вокруг нее маркируют одну из наиболее значимых вех критической рефлексии и проработки нацистского прошлого в объединенной Германии 1990–х гг. Будучи одним из наиболее знаковых исторических дебатов в Германии после «спора историков», и, пожалуй, последними дебатами такого рода, привлечшими внимание всего немецкого общества, «спор Гольдхагена», несомненно, потенцировал значение памяти о нацизме в качестве базового нарратива послевоенной немецкой идентичности и центрального «негативного масштаба» немецкой политической культуры⁴⁸. В связи с этим интересна точка зрения самого автора резонансного исследования. В марте 1997 года за вклад в изучение Холокоста Дэниел Гольдхаген был удостоен «Приза демократии» «Журнала немецкой и международной политики», издаваемого в Бонне. В речи по случаю вручения приза один из главных участников «спора историков» 1986 года Юрген Хабермас заявил, что «на основе проникновенности и моральной силы из-

---

⁴⁴ Ullrich 1996(a)

⁴⁵ Geisel 1998. S. 137.

⁴⁶ Leicht 1996.

⁴⁷ Frei 2003. S. 146.

⁴⁸ Benner, Köster 1999. S. 63.

ложения Гольдхагену удалось дать важные импульсы общественному сознанию Федеративной республики». По словам философа, американский ученый «повысил чувствительность к подоплеке и границам немецкой “нормализации”»⁴⁹. В свою очередь, в благодарственной речи Гольдхаген отметил успехи немцев в критической проработке собственного прошлого и выработке «ненационалистического национального самосознания, ответственного перед международным сообществом». В заключение своей речи Гольдхаген назвал ФРГ «позитивной моделью и эталоном, которому другие государства должны подражать». «Я не знаю другой страны, столь открытой и последовательной в обращении с бесславными и страшными страницами собственного прошлого»⁵⁰, – подчеркнул американский ученый.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kёниг X.* Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ. М.: РОССПЭН, 2012.
- Aly G.* Endlösung: Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. Frankfurt/Main: Fischer, 1996.
- Assmann A, Frevert U.* Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999.
- Benner T., Köster C. R.* Auf ewig Sisypus? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen 26 (1). Seezle-Velber: PZ Pädagogika Zentrale, 1997. S. 55–64.
- Frei N.* Ein Volk von “Endlösern”? // Süddeutsche Zeitung, 13.04.1996.
- Frei N.* Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow M., Jessen R., Kracht K.G. (Hrsg.). München: C. H. Beck, 2003. S. 138–151.
- Geisel E.* Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. Berlin: Edition Tiamat, 1998.
- Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Gilcher-Holtey I.* Die Mentalität der Täter // Die Zeit, 07.06.1996.
- Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996 (a).
- Goldhagen D.* Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York: Alfred A. Knopf, 1996.
- Habermas J.* Warum ein “Demokratiepreis” für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Die Zeit, 14.03.1997.
- Heer H.* Die große Tautologie // taz, 04.09.1996.
- Herbert U.* Aus der Mitte der Gesellschaft // Die Zeit, 14.06.1996.
- Joffe J.* “Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer” // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps J. H. (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 162–167.
- Joffe J.* Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung, 11.09.1996(a)

⁴⁹ Habermas 1997.

⁵⁰ Кёниг 2012. С. 102-103.

- Kaiser W. Täter im Vernichtungskrieg: Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin, München: Propyläen, 2002.
- Koch G. Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau, 30.04.1996.
- Kött M. Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über "Kollektivschuld" und "Nationalcharakter" der Deutschen. Konstanz: UKV, 1999.
- Kracht K.G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
- Leicht R. D.J. Goldhagens Buch ist ein Urteil, kein Gutachten. Warum der Streit um die Studie sich lohnt // Die Zeit, 06.09.1996.
- Markovits A.S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / J. H. Schoeps (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 667–674.
- Mommsen H. Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung, 20.07.1996.
- Niroumand M. Little Historians // taz, 13.04.1996.
- Nolte J. Sisyphos ist Deutscher // Die Welt, 16.04.1996.
- Paul G.: Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? Göttingen: Wallstein, 2002.
- Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München: Oldenbourg, 1996.
- Reemtsma J. P. Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung, 24.08.1996.
- Rusinek A. Die Kritiker-Falle. Wie man in Verdacht geraten kann. Goldhagen und der Funktionalismus // Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / Heil J., Erb R. (Hrsg.). Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. S. 110–130.
- Sandkühler T. Die Täter des Holocaust. Neuere Überlegungen und Kontroversen // Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Pohl K.H. (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. S. 39–66.
- Scheit G. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider W. (Hrsg.). Hamburg: Konkret, 2000. S. 126–161.
- Schirmacher F. Hitlers Code – Holocaust als faustisches Streben? // FAZ, 15.04.1996.
- Schneider M. Die "Goldhagen-Debatte": ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft // Friedrich-Ebert-Stiftung [Bonn, 1997]. <http://www.fes.de/fulltext/historiker/00144.htm>
- Schoeps J. H. Vom Rufmord zum Massenmord // Die Zeit, 26.04.1996.
- Semler C. Provokateur auf Tour // taz, 07.09.1996.
- Steinbacher S. "Musterstadt" Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien. München: Saur, 2000.
- Ullrich V. Vertraute Töne // Die Zeit, 14.06.1996(a).
- Wehler H.-U. Wie ein Stachel im Fleisch // Die Zeit, 25.05.1996.
- Wippermann W. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin: Elefantenpress, 1997.

REFERENCES

- Kenig H. Budusheye proshlogo. Nacional-socialism v politicheskomo soznanii FRG. M.: ROSSPEN, 2012.
- Aly G. Endlösung: Völkerverschiebung und der Mord an den europäischen Juden. Frankfurt/Main: Fischer, 1996.
- Assmann A, Frevert U. Geschichtsvergessenheit – Geschichtsversessenheit. Vom Umgang mit deutschen Vergangenheiten nach 1945. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1999.
- Benner T., Köster C. R. Auf ewig Sisyphos? Die Goldhagen-Debatte und die politische Kultur der Berliner Republik // Sozialwissenschaftliche Informationen 26 (1). Seezle-Velber: PZ Pädagogika Zentrale, 1997. S. 55–64.

- Frei N. Ein Volk von "Endlösern"? // Süddeutsche Zeitung, 13.04.1996.
- Frei N. Goldhagen, die Deutschen und die Historiker. Über die Repräsentation des Holocaust im Zeitalter der Visualisierung // Zeitgeschichte als Streitgeschichte. Große Kontroversen seit 1945 / Sabrow M., Jessen R., Kracht K.G. (Hrsg.). München: C. H. Beck, 2003. S. 138–151.
- Geisel E. Triumph des guten Willens. Gute Nazis und selbsternannte Opfer. Die Nationalisierung der Erinnerung. Berlin: Edition Tiamat, 1998.
- Gerlach C. Krieg, Ernährung, Völkermord: Deutsche Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. Hamburg: Hamburger Edition, 1998.
- Gilcher-Holtey I. Die Mentalität der Täter // Die Zeit, 07.06.1996.
- Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewöhnliche Deutsche und der Holocaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996 (a).
- Goldhagen D. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. New York: Alfred A. Knopf, 1996.
- Habermas J. Warum ein "Demokratiepreis" für Daniel J. Goldhagen? Eine Laudatio // Die Zeit, 14.03.1997.
- Heer H. Die große Tautologie // taz, 04.09.1996.
- Herbert U. Aus der Mitte der Gesellschaft // Die Zeit, 14.06.1996.
- Joffe J. "Die Killer waren normale Deutsche, also waren die normalen Deutschen Killer" // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / Schoeps J. H. (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 162–167.
- Joffe J. Das Goldhagen-Phänomen // Süddeutsche Zeitung, 11.09.1996(a)
- Kaiser W. Täter im Vernichtungskrieg: Der Überfall auf die Sowjetunion und der Völkermord an den Juden. Berlin, München: Propyläen, 2002.
- Koch G. Eine Welt aus Willen und Vorstellung // Frankfurter Rundschau, 30.04.1996.
- Kött M. Goldhagen in der Qualitätspresse. Eine Debatte über "Kollektivschuld" und "Nationalcharakter" der Deutschen. Konstanz: UKV, 1999.
- Kracht K.G. Die zankende Zunft. Historische Kontroversen in Deutschland nach 1945. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005.
- Leicht R. D.J. Goldhagens Buch ist ein Urteil, kein Gutachten. Warum der Streit um die Studie sich lohnt // Die Zeit, 06.09.1996.
- Markovits A.S. Störfall im Endlager der Geschichte // Ein Volk von Mördern? Die Dokumentation zur Goldhagen-Kontroverse um die Rolle der Deutschen im Holocaust / J. H. Schoeps (Hrsg.). Hamburg: Hoffmann und Campe, 1996. S. 667–674.
- Mommens H. Die Schuld der Gleichgültigen // Süddeutsche Zeitung. 20.07.1996.
- Niroumand M. Little Historians // taz, 13.04.1996.
- Nolte J. Sisypchos ist Deutscher // Die Welt, 16.04.1996.
- Paul G.: Die Täter der Shoah: Fanatische Nationalsozialisten oder ganz normale Deutsche? Göttingen: Wallstein, 2002.
- Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München: Oldenbourg, 1996.
- Reemtsma J. P. Die Mörder waren unter uns // Süddeutsche Zeitung. 24.08.1996.
- Rusinek A. Die Kritiker-Falle. Wie man in Verdacht geraten kann. Goldhagen und der Funktionalismus // Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / Heil J., Erb R. (Hrsg.). Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. S. 110–130.
- Sandkühler T. Die Täter des Holocaust. Neuere Überlegungen und Kontroversen // Wehrmacht und Vernichtungspolitik: Militär im nationalsozialistischen System / Pohl K.H. (Hrsg.). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1999. S. 39–66.
- Scheit G. Germans down, Germans up. Daniel J. Goldhagen und die Erben der willigen Vollstrecker Hitlers // Wir kneten ein KZ. Aufsätze über Deutschlands Standortvorteil

bei der Bewältigung der Vergangenheit / Schneider W. (Hrsg.). Hamburg: Konkret, 2000. S. 126–161.

Schirmacher F. Hitlers Code – Holocaust als faustisches Streben? // FAZ, 15.04.1996.

Schneider M. Die “Goldhagen-Debatte”: ein Historikerstreit in der Mediengesellschaft // Friedrich-Ebert-Stiftung [Bonn, 1997]. <http://www.fes.de/fulltext/historiker/00144.htm>

Schoeps J. H. Vom Rufmord zum Massenmord // Die Zeit, 26.04.1996.

Semler C. Provokateur auf Tour // taz, 07.09.1996.

Steinbacher S. “Musterstadt” Auschwitz: Germanisierungspolitik und Judenmord in Ostoberschlesien. München: Saur, 2000.

Ullrich V. Vertraute Töne // Die Zeit, 14.06.1996(a).

Wehler H.-U. Wie ein Stachel im Fleisch // Die Zeit, 25.05.1996.

Wippermann W. Wessen Schuld? Vom Historikerstreit zur Goldhagen-Kontroverse. Berlin: Elefantpress, 1997.

Кауганов Евгений Леонидович, аспирант Института этнологии и антропологии РАН; ekauganov@front.ru

The “Goldhagen debates” and its importance for the German “dealing with the past”

The author analyzes Daniel Goldhagen’s book “Hitler’s Willing Executioners”, which provoked one of the main discussions about the German historical consciousness and national identity in the 1990s. The author considers Goldhagen’s conception of “eliminationist antisemitism”, depicts the reception of Goldhagen’s book in the German media, in the community of professional historians and evaluates the influence of the book and the discussion about it on German culture of remembrance of Nazism. While for professional historians an ambivalent or critical position was common, the most non-Academic readers of the book perceived it positively. The author explains this by the fact that the book afforded the opportunity for clear demarcation between the totalitarian past and the democratic present of Germany.

Keywords: FRG, Nazism, culture of remembrance, coming to terms with the past, national identity, Goldhagen.

Evgeny Kauganov, PhD-student, Institute of Ethnology and Anthropology (Russian Academy of Science), ekauganov@front.ru